

Российская Академия Наук

Отделение историко-филологических наук

Ю.Л. Воротников

**Художественный мир
«Повести о Горе и Злочастии»**

Москва 2017

УДК 82.091
ББК 83
В 98

ISBN 978-5-906906-84-7

© Российская академия наук, 2017
© Ю.Л. Воротников, 2017

Вступительные замечания

Великой русской литературе уже более тысячи лет, и история ее – это не просто история постепенного, равномерного накопления эстетических ценностей, не стройный ряд произведений, каждое последующее из которых превосходит предыдущее уже просто потому, что создано позже и автор его, согласно известному афоризму, «стоит на плечах своих великих предшественников».

Истории литературы известны и неожиданные скачки, прорывы в будущее, зачастую не осознаваемые современниками. Не так уж редки случаи, когда только потомки могут по достоинству оценить то, что современникам кажется не столь уже важным. И для подобной ситуации есть давний и точный, невзирая на свою кажущуюся банальность, афоризм: «Большое видится на расстояньи».

Русской литературе известно немало произведений, намного опередивших свое время. К их числу относится и «Повесть о Горе и Злочастии», написанная во второй половине XVII века. Это произведение не только, как полагает А.М. Панченко, «достойно завершило семивековое развитие древнерусской литературы» [1, с. 359]. «Повесть о Горе и Злочастии», по словам Д.С. Лихачева, «вырывается за пределы своей эпохи, в каких-то отношениях она обгоняет XVIII век, ставит те же проблемы, что и литература русского реализма» [2, с. 31–32].

История открытия и изучения списка «Повести о Горе и Злочастии»

Первый и до сих пор единственный известный науке список «Повести о Горе и Злочастии» был введен в научный оборот А.Н. Пыпиным. В 1856 году будущий академик, собирая материалы для своей магистерской диссертации, работал в так называемом погодинском «Древлехранилище». В один из дней февраля или марта Александр Николаевич просматривал рукописный сборник XVII – первой половины XVIII века в простом новом переплете. Среди разнообразных произведений, находившихся в этом сборнике, его внимание привлекла занимавшая листы 295–306 совсем необычная повесть. Прочитав ее, Александр Николаевич сообщил о своей находке работавшему рядом Н.И. Костомарову, на которого повесть с первых же слов произвела такое сильное впечатление, что он принялся громко декламировать «древнее стихотворение». Пыпин пытался урезонить его, говоря о неуместности подобного поведения в зале библиотеки, однако даже вмешательство дежурного чиновника не смогло умерить восторги Н.И. Костомарова [3, с. 2].

Первое издание повести последовало буквально через несколько дней после находки рукописи. Она была опубликована Н.И. Костомаровым в мартовской книжке «Современника» за 1856 год под заглавием «Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение». Публикацию сопровождала статья, в которой Н.И. Костомаров впервые поднял вопросы, до сих пор обсуждающиеся учеными: о жанре повести, о ее отношении к литературе и фольклору, о своеобразии содержания произведения [4, с. 49–68].

Первая страница списка «Повести о Горе и Злочастии»

Со дня обнаружения А.Н. Пыпиным текста «Повести о Горе и Злосчасти» прошло уже более 150 лет, и если собрать все работы, вышедшие за это время и так или иначе касающиеся вопросов изучения этого произведения, то получится весьма внушительная библиотечка. Библиография, составленная В.Л. Виноградовой и опубликованная в 1956 г. к столетнему юбилею открытия списка повести, насчитывает 91 наименование [5, с. 622–641]. Среди них 16 изданий текста, 11 сборников, включающих сказочный, былинный, песенный материал, комментирующий отдельные моменты повести, и 64 исследования. За истекшие с тех пор годы библиография эта, конечно, значительно пополнилась.

В чем же причина такого неослабевающего интереса все новых и новых поколений исследователей и читателей к произведению, написанному безымянным автором во второй половине «бунташного» XVII века? Д.С. Лихачев отвечает на этот вопрос так: «Все в этой повести было ново и непривычно для традиций древней русской литературы: народный стих, народный язык, необычный безымянный герой, высокое сознание человеческой личности, хотя бы и дошедшей до последних степеней падения» [2, с. 356]. Если выделить из этого ряда причин наиболее существенную, то ею будет, без сомнения, последняя из названных Д.С. Лихачевым: повесть отразила начало формирования нового представления о человеке и его месте в мире, знаменовавшего переломный момент в истории русской литературы, да и всего русского общества.

О художественном мире литературного произведения

Литературное произведение дано нам в виде текста, его «материальным телом» является линейная последовательность языковых единиц: фонем, слов, предложений, фраз и так далее. Однако, отправляясь от этой материальной данности, мы производим работу, в результате которой в нашем сознании «выстраивается мир, населенный персонажами, подобными людям, с которыми мы сталкиваемся в жизни» [6, с. 63]. Эта система вымышленных объектов, этот воображаемый мир может быть, вообще говоря, воплощен и в другом, не языковом материале (например, можно представить себе серию миниатюр или иконных клейм, достаточно точно воспроизводящих содержание «Повести о Горе и Злочасти»). М.М. Бахтин писал: «Художественное творчество, определяемое по отношению к материалу, есть его преодоление» [7, с. 46]. Элементами художественного мира литературного произведения являются не фонемы, слова, предложения или какие-либо иные языковые единицы, а реалии другого рода. Это, в первую очередь, персонаж (действующее лицо), затем – сюжет (действия персонажа), а также художественное пространство (место действия персонажа). Большое значение для понимания художественного мира произведения имеет анализ художественного времени, о чем много писал в своих работах Д.С. Лихачев (см., например: [8, с. 209–334 и др.]).

Еще одним элементом художественного мира произведения, имеющим иную природу, чем персонаж или сюжет, является так называемая точка зрения, поскольку объекты, образующие этот мир, предстают перед нами не сами по себе, а в определенном

освещении. Проблема точки зрения применительно к литературному тексту – это «проблема авторской позиции, “лирического героя” и т. д.» [9, с. 322].

Термин «художественное пространство» относительно новый в литературоведении, еще вполне не устоявшийся, не адаптировавшийся в достаточной степени в системе других литературоведческих терминов. Однако его важность для анализа литературного произведения в настоящее время вполне очевидна и не требует особых доказательств.

Художественное пространство литературного произведения понимается как формально-содержательная категория, формальным аспектом которой является выполнение сюжетообразующей функции (в художественном пространстве «завязываются и развиваются сюжетные узлы» [7, с. 398]), а содержательным – отображение внележащего произведению мира, представление его в виде предметно заполненного, «овеществленного» континуума (сюжетные события в художественном пространстве «конкретизируются, обрастают плотью, наполняются кровью» [7, с. 398]).

Освоенное человеком реальное пространство отображается в литературном произведении не непосредственно, а через посредство наиболее общих, исторически и национально обусловленных пространственных моделей, являющихся основой для построения картины мира – «целостной идеологической модели, присущей данному типу культуры» [9, с. 267]. Только на фоне этой картины мира становятся значимыми частные, создаваемые в определенном произведении модели пространства.

Одной из важнейших особенностей художественного пространства литературного произведения является возможность отображения в нем понятий, которые сами по себе не имеют пространственной природы. Например, понятия *родной*, *безопасный* могут передаваться пространственными понятиями *замкнутый*, *отграниченный*, а понятия *чужой*, *опасный* – понятиями *разомкнутый*, *неограниченный* [9, с. 267].

Итак, с художественным пространством литературного произведения теснейшим образом связаны, в первую очередь, особенности развития его сюжета. Пространство волшебной сказки, например, предоставляет совершенно иной набор возможных действий героя, чем пространство реалистической новеллы. Оба эти элемента художественного мира произведения существуют в неразрывном единстве и определяются, в конечном счете, важ-

нейшими представлениями о человеке и его месте во вселенной, характерными для данной культуры.

Можно, однако, привести немало примеров, когда сюжето-образующая функция художественного пространства выступает совершенно обнажено, и именно его структура, а не характеры действующих в произведении персонажей, определяют специфику развития действия. К подобному типу произведений относятся, в частности, некоторые так называемые «петровские повести». В «Повести об Александре, российском дворянине», например, развитие сюжета целиком подчинено особенностям того места, в которое попадает герой. В лесу он ведет себя как странствующий рыцарь, на море обязательно оказывается жертвой кораблекрушения, а в гостиной великосветской красавицы предстает галантным кавалером. В результате образ героя распадается, произведение утрачивает органическую целостность, дробится на связанные чисто формально эпизоды. Причины этого имеют как внутри-, так и внелитературный характер. Во-первых, логика литературного развития выдвигает на первый план задачи поиска новых форм для изображения новых явлений действительности, поэтому формальное экспериментирование становится необходимым и наполняется положительным смыслом. Во-вторых, в самой действительности еще не оформилось новое понимание сущности человека и его места в мире. Старая картина мира уже разрушена, новая еще не полностью сформировалась.

Этот пример еще раз подтверждает важность и необходимость для анализа каждого конкретного произведения опоры на изучение общей картины мира, характеризующей эпоху его создания.

Каков же тот фон, на котором становятся значимыми создаваемые в произведениях древнерусской литературы отдельные пространственные построения?

О картине мира Древней Руси

Картина мира Древней Руси, как и средневековая картина мира вообще, была проникнута мыслью о вертикальной, иерархической организации пространства. Верх противопоставлялся низу как хорошее – плохому, ценное – неценному, рай – аду, Бог – сатане. Все объекты и все места располагаются по вертикали, которая является одновременно и пространственным ориентиром, и аксиологической школой: чем выше, тем благостней, чем ниже, тем ближе к аду. «Привидившаяся библейскому Иакову лестница, по которой с небес на землю и обратно спускают ангелы, такова доминанта средневекового пространства» [10, с. 53].

В вертикальную иерархию включались и участки реального географического пространства, окружающего средневекового человека. География в Средние Века – не просто естественнонаучная дисциплина. Это, как пишет Ю.М. Лотман, «разновидность религиозно-утопической классификации» [11, с. 212]. Земли и страны делятся на святые и грешные, на приближенные в разной степени к Богу и, следовательно, расположенные на разных ступенях вертикальной лестницы праведности. Поэтому и реальные географические перемещения средневекового человека мыслятся как своего рода восхождения и падения. Средневековый (и в том числе древнерусский) путешественник – это не турист, ищущий экзотических ощущений, а паломник, думающий о спасении своей души и видящий в посещаемых им местах ту или иную степень присутствия «духа божия». Поэтому наиболее почитаемым было путешествие в тот город, о котором книга пророка Иезекииля гласила: «Так говорил господь Бог: “Это – Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него земли!”».

Представление об Иерусалиме как центре всего круга земель глубоко укоренилось в сознании средневекового человека и проникло в устное народное творчество, в частности, в русские духовные стихи:

А стоит Иерусалим посреди земли,
Посреди земли, средь свету белого.
Под им держится под им пуп земной:
Потому Иерусалим городам отец [12, с. 33].

Пространство повседневной жизни человека Древней Руси тоже идеологически осмыслено и оценено. На самом высоком месте города или села – церковь, которая сама – микрокосм, символ всего огромного космоса: «предстоя в церкви, молящийся видел вокруг себя весь мир: небо, землю и их связи между собой» [8, с. 395]. Рядом, а может быть и на видном месте – монастырь, место праведное, угодное Богу, место уединения и спасения от греховной жизни. Свой дом тоже занимает определенное положение в вертикальной иерархии мест. Это – своеобразная точка отсчета, в известном смысле изоморфная земной поверхности в глобальной трехчленной оппозиции небо-земля-ад. Из своего дома можно попасть в церковь или монастырь, то есть приблизиться к небу и Богу, а можно отправиться в корчму или кабак, «упиться», пасть и попасть в ад. Кабак – это, так сказать, обиходная преисподняя в жизни древнерусского человека, «пасть адова», провал в обыденном пространстве в том смысле, в каком церковь и монастырь – «двери рая», путь наверх, к Богу.

Более или менее чтимые места есть и внутри дома, причем их отмеченность уходит своими корнями в глубины древнейшего периода жизни общества. Центром дома является очаг, где «с ритуальной и хозяйственной точки зрения сырое, неосвоенное, нечистое превращается в вареное, освоенное, чистое» [13, с. 168]. Маркированность красного или почетного угла определялась размещением в нем языческих символов. Христианские воззрения наложились на языческие, и место домашних божков в красном углу заняли иконы с изображением святых.

В монастыре или в церкви также есть разнорасположенные на вертикальной аксиологической шкале места. В монастыре часовня «возвышеннее» кухни, а в церкви алтарь «выше» паперти.

Итак, любое перемещение древнерусского человека в реальном пространстве, все его «пути и походы» вплоть до самого незначительного перехода из одной точки своего дома в другую как бы искривлены силовым полем аксиологической вертикали, он всегда как бы «стоит на пути, ведущем как к духовному граду Господа, вышнему Иерусалиму или Сиону, так и к граду Антихриста» [10, с. 53].

Христианская иерархическая вертикаль была далеко не единственной моделью, влияющей на восприятие пространства древнерусским человеком. Необходимо отметить огромную роль различных дохристианских и нехристианских идеологических систем, накладывавшихся на христианскую модель устройства вселенной и значительно деформировавших ее. В результате такого наложения могли возникать разнообразные совершенно эклектичные или обладающие той или иной степенью органичности построения. Например, наложение элементов буддизма, парсизма и христианства привело к формированию различных дуалистических ересей (манихейство, павликианство, с конца X века – болгарское богомилство), для космологии которых было характерно особенно резкое противопоставление верха – низу как света – тьме и, далее, неба как царства света и обители Бога – земле как царству тьмы и владению дьявола. Известно, какую роль сыграло богомилство в жизни всей средневековой Европы и, в частности, Древней Руси и какой след оставило в средневековой литературе и фольклоре (см., например: [14]).

Огромное значение в идеологической и бытовой жизни средневекового человека имел так называемый смеховой мир, порожденный народной смеховой культурой, тесно связанной со стихией праздников. Этот второй мир средневековья характеризовался своей вполне определенной космологией, своим отношением к пространству, своими излюбленными местами действия. Для смехового мира характерна логика снижений. Народный по своей сути и происхождению, смеховой мир выворачивает наизнанку мир официальный, раскрывает несоответствие действительно сти авторитарно утверждаемой картины мира. «Существующий мир разрушается, чтобы возродиться и обновиться» [15, с. 56]. Специфическими смеховыми участками пространства, действия в которых подчинялись логике смехового мира, были, в первую очередь, городская площадь – место проведения разнообразных праздников, а также баня и кабак. Влияние смехового, «изнаноч-

ного» мира на литературу средневековой Европы и Древней Руси огромно и в последнее время активно изучается (см., например: [16]).

Таким образом, картина мира древнерусского человека представляла собой достаточно сложное образование, включавшее в себя элементы различной природы. Но на определенном этапе все эти разнородные элементы после длительной борьбы были как бы приведены к общему знаменателю, пришли в соответствие друг другу и составили единое, гармоничное целое. Известный русский филолог П.М. Бицилли об этом писал: «Мир средневекового человека был невелик, понятен и удобно обозреваем. Все в этом мире упорядочено, распределено по местам; всем и всему было указано собственное дело и собственная честь. Нигде не было пустых мест и пробелов... В этом мире не было неведомых областей, небо было изучено так же хорошо, как и земля, и нигде нельзя было заблудиться» [17, с. 300–301]. Смеховой мир, мир антикультуры, «антимир», выворачивающий наизнанку мир реальный, мыслился именно как недействительный, вымышленный. Настоящий же мир подчинялся законам «чинности и урядства»: «Ибо человек, как и каждая вещь, должен занимать свое отведенное им место в общем “ряду”, т. е. в порядке общества» [18, с. 12].

Эта единая, целостная картина мира постепенно становилась все более официальной и к XVI веку приобрела характер государственной идеологии. Обобщающие произведения этого времени, написанные в стиле «второго монументализма» («Стоглав», «Великие четьи минеи», «Лицевой летописный свод», «Степенная книга», «Домострой» и др.), создавали официальной картине мира авторитет «грандиозной всеистолковывающей мирозерцательной системы» [19, с. 134].

Д.С. Лихачев дал прекрасную характеристику того мира, обитающим в котором до поры до времени ощущал себя человек Древней Руси: «Большой мир и малый, Вселенная и человек! Все взаимосвязано, все значительно, все напоминает человеку о смысле его существования, о величии мира и значительности в нем судьбы человека» [2, с. 10].

Так продолжалось до эпохи, получившей в русской истории наименование «смутного времени» и ставшей периодом колоссальных сдвигов в структуре всего русского общества.

Структура художественного мира «Повести о Горе и Злочастии»

Средневековая картина мира, проникнутая идеей иерархической организации вселенной, подчиняющаяся законам «чинности» и «урядства», в эпоху смутного времени начала рушиться. Всё находилось в текучем состоянии. Человек ощутил зыбкость, неустойчивость мира и своего положения в нем. Деформировалось и традиционное восприятие пространства как вертикально упорядоченной стройной иерархии мест, переосмысливалось положение тех или иных мест в этой иерархии. Это происходит, например, с монастырем как идеалом угодного Богу места жизни праведника. Появляется новый тип подвижника – мирской. Яркий пример этому – «Повесть о Юлиании Лазаревской». Монастырь в повести отступает на задний план, место его занимает дом, и «домовое строение» представляется не менее угодным Богу деянием, чем «иноческие подвиги». Однако и восприятие дома как отграниченного, освоенного и обжитого человеком пространства также не остается без изменений.

Художественный мир «Повести о Горе и злочастии» запечатлел те изменения, которые происходили в картине мира русского человека той эпохи, что отразилось на трактовке таких важнейших структурных элементов этого художественного мира, как свой дом, кабак и монастырь.

1. Свой дом

Образ дома как упорядоченного, «своего» пространства характерен уже для самых ранних стадий развития общества и отразился в таких архаических жанрах фольклора, как заговоры («Око-

ло двора железный тын; чтобы через этот тын не мог попасть ни лютей зверь, ни гад, ни злой человек, ни дедушка лесной!») или пословицы («Дома все споро, а в чуже житье хуже!»). Для сформировавшейся под влиянием христианской религии картины мира такое восприятие образа дома тоже характерно и даже приобрело еще большее значение, так как демиургом, устройтелем и огромного дома вселенной, и маленького дома каждого человека мыслился не кто иной, как сам Бог-творец: «строй бытия от Бога, но уклад быта – тоже от Бога» [20, с. 154].

В христианской литературе существовало множество произведений, посвященных регламентации домашней жизни, начиная с книги сентенций и афоризмов Иисуса, сына Сирахова. На древнерусской почве своеобразной энциклопедией «домового строения» стал «Домострой» Сильвестрова извода, в котором Сильвестр не только дает правила благочестивого поведения доброму христианину, но и, как писал известный исследователь древнерусской литературы Ф.И. Буслаев, «с свойственной нашей старине наивностью входит в некоторые мелочные подробности об умении жить и вести свои дела расчетливо» [21, с. 577]. И действительно,

Стилизация на сюжет повести с обложки книги Б.И. Дунаева
«Библиотека старорусских повестей. Т. 3: Повесть о Горе и Злочастии»

в «Домострое» мы найдем такие, например, разделы: «Како христианам веровати во святую Троицу и Пречистую Богородицу, и кресту Христу, и святым небесным бесплотным силам, и всем святым, и честным и святым мощам, и поклонятися им» (глава 2), а рядом: «Как всякое платье кроити и остатки и обрезки беречи», так как те остатки и обрезки «ко всякому приложаютца в домовитом деле» (глава 31). Однако так ли уж наивно это объединение в одной книге утверждения о том, что «подобает всякому христианину по Бозе жити в православной вере христианской» и совета ключнику, «как держать на погребе всякой запас просольной, и в бочках, и в кадях, и в мерниках, и в тчанех, и в ведерцах»? Если мы вспомним, что быт и бытие равно установления божий, то все это, конечно, не покажется наивным. Дом в представлении человека Древней Руси такой же микрокосм, такое же отражение всей вселенной, как и церковь, и устройство его должно соответствовать тем же принципам, что и устройство вселенной. Однако в XVII веке это воззрение претерпевает существенные изменения, что отражено, например, в «Повести о Горе и Злочастии».

Сюжет «Повести о Горе и Злочастии» возводится многими исследователями к сюжету притчи о блудном сыне (см., например: [22, с. 17–442]). Однако анализ художественного пространства притчи и повести показывает, что в данном случае приходится говорить скорее не о заимствовании автором повести каких-то мотивов притчи, а о диалоге с ней, точнее даже споре. Действие притчи происходит в традиционно трактуемом пространстве. Отцовский дом, который покидает блудный сын и куда он возвращается после своих безрадостных скитаний, как раз и представляет собой образ упорядоченной, гармоничной вселенной. Молодец «Повести о Горе и Злочастии» тоже покидает родительский дом по причине нарушения заветов домостроевской морали, выразившегося в его «кабацком питие», и претерпевает различные мытарства на чужой стороне. Однако он – не закоренелый грешник. Следуя советам «добрых людей», Молодец заводит свой дом, но и в его стенах не может избыть горе. Дом перестает быть крепостью. Это уже не миниатюрное отображение организованного божьим промыслом мира, и основные принципы регламентации домашнего уклада превращаются парадоксальным образом в нелепую противоположность самим себе. В этом смысле характерен эпизод с неудачной женитьбой Молодца. Присмотрев себе невесту «по обычаю», Молодец уже совсем решил сыграть свадьбу. Остановили его следующие соображения:

...быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и серебра быть убитому!

Сами по себе эти предостережения от козней злой жены полностью согласуются с традицией, однако вывод из них сделан совершенно нетрадиционный: если жена может стать «злодеицей», то единственной защитой от этого является «кабацкое питье».

2. Кабак

Кабак на Руси появился во времена Ивана Грозного, заменив собой корчму. Уже к началу XVII века он приобрел такую скандальную популярность среди всех слоев населения, что практически ни один оставивший записки о Московии иностранец не обходит вниманием это своеобразное явление русского быта. Со стороны, как известно, виднее, поэтому обратимся к свидетельствам иностранных очевидцев. Они единодушно отмечают, что пьянство было распространено во всех слоях населения, что оно вело к огрублению нравов, семейным неладом, а с организацией кабаков и к обнищанию народа.

Вот что пишет о пьянстве в России Фан-Кленк: «Даже женщины из простонародья допиваются иногда до того, что оставляют платье свое под залог и голые, вытолканные из кабаков, валяются от пьянства на улице и часто терпят ущерб своему целомудрию, которое и так не очень велико» [23, с. 528–529].

А вот очень живописная картинка, подмеченная Адамом Олеарием в Новгороде в 1643 году. Молодец все пропил в кабаке и вышел из него совершенно голым. «Сорвавши полную руку травы одуванчик, росшей около кабака, он прикрыл ею свое срамное место и отправился себе домой веселый и припеваючи» [24, с. 180]. Так и хочется добавить к рассказу Адама Олеария, что распевал этот безымянный молодец следующее:

А и Горе, Горе-Гореваньце!
А и в горе жить – не кручинну быть,
Нагому ходить – не стыдиться!
А и денег нет перед деньгами!
Появилась гривна – перед злыми дни! [25, с. 322].

Вред, приносимый кабаками, был виден, конечно, не только иностранными путешественниками. Не менее отрицательно отзывался о государевых питейных домах и Юрий Крижанич, серб по национальности, проведший многие годы в России и даже пострадавший тут «за правду». Вот что пишет он о кабаке: «Нигде инде ся не зрят таковы промыслы и таково принуждение к упоению, неже токмо где ся обретают бесовски кабаки» [26, с. 299].

Вред кабаков подчас ясен и самим устроителям. В 1652 году, например, был созван специальный «собор о кабаках», на котором [принято постановление продавать не более «той указной чарки» вина одному человеку и определены дни и часы, когда торговля вином вообще запрещалась.

Однако прибыли, поступавшие в казну от монопольной торговли спиртным, были слишком велики и перевешивали все беды, приносимые кабаком. Целовальникам постоянно напоминалось, что действовать им надо «бесстрашно», за прибыль «ожидать его государевы милости, и в том приборе никакого себе опасения не держать, питухов не отгонять». Результатом таких «отеческих» наставлений было спаивание и ограбление народа.

Как же относился к кабаку сам народ? Известно множество челобитных с просьбой «свести» ненавистные «кружечные дворы». Дошли до нас и народные песни, в которых с кабаком связываются самые разнообразные беды и напасти. Вот выдержка из одной:

А стояла тут кружалочка –
Нов царев кабак <...>
Лежит тут удавленный
Добрый молодец <...>
Говорила я тебе, другу, баила:
Не ходи ты, мое дитяtko,
Во царев кабак:
В кабаке сидят
Воры-разбойники [27, № 2418].

Итак, кабак не вызывает особых восторгов ни в среде правящих классов, ни у простого народа. Однако надо обратить внимание на следующий факт. Пьянство не появилось на Руси с введением Иваном Грозным «царева питейного дома». Ведь еще князь Владимир говорил: «Руси есть веселье питье, не может бес того быти» [28, с. 83].

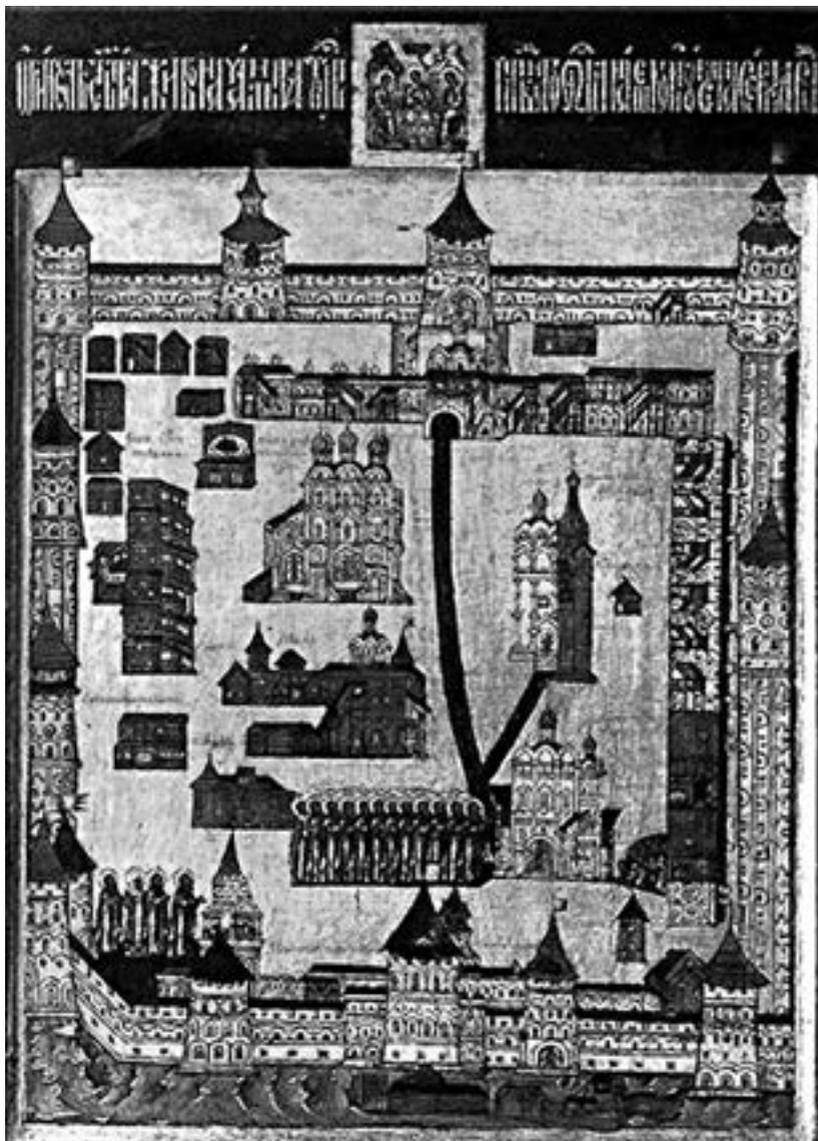
Взято из: Дунаев Б.И. Библиотека старорусских повестей. Т. 3: Повесть о Горе и Злочастии. М., 1914

Терпимость же русского общества XVII века к «питью», более того, его приверженность к пьянству были почти тотальными. Пытаясь философски осмыслить это явление русской жизни, академик В.Н. Топоров пишет: «...пьянство становилось своего рода “эскапизмом”, бегством с места без перемены места, но с переменной состоянием: трезвость и ясность взгляда мешали, и забвение, погружение в некое эйфорическое или отуманивающее состояние давало ощущение облегчения, снятия повседневной “озабоченности” и, следовательно, было пассивным ответом на требования жизни, хотя бы временным выходом из положения» [29, с. 207].

И если, как ранее отмечалось, официальная картина мира трактовала кабак как «пасть адову», двери в преисподнюю, то в структуре художественного пространства «Повести о Горе и Злосчасти» он занимает иную позицию. Развал домашнего уклада, представление о неустойчивости и «удобопревратности» семейных отношений, а также идущее от народной смеховой традиции представление о кабаке как о месте беззаботного веселья и всеобщего неофициального равенства («В корчме и в бане уси ровные дворяне») приводит к тому, что внутри оппозиции дом – кабак оценочные акценты смещаются, оба ее члена как бы уравниваются, а иногда даже второй член может трактоваться как положительно маркированный.

3. Монастырь

Нетрадиционное место занимает в структуре художественного пространства «Повести о Горе и Злосчасти» и монастырь. Необходимо вспомнить, что для того, чтобы попасть в него, Молодцу приходится переправиться через реку, которая в контексте общих представлений эпохи могла восприниматься как граница между землей и раем, раем и адом или царством живых и царством мертвых (см., например: [30]). Следует также отметить, что река повести ассоциируется и с рекой Смородиной различных фольклорных жанров, которая всегда трактуется как враждебная человеку, сулящая ему гибель (см., например: [31]). Важно и то, что после переправы власть Горя не прекращается, а сам Молодец, лишившийся своего «платя гостинного» еще в кабаке и тем самым как бы утративший свое социальное лицо, теперь лишается и человеческого обличья: он предстает то в виде сизого голубя, то ясного сокола, то серого волка, то рыбы, то травы. Отметим также, что народные песни практически не знают конца, в котором Молодцу удалось бы спастись от Горя, зато совершенно обычна другая концовка:

Троицкий монастырь. Икона XVII в.

Только добрый молодец и жив бывал:
Загребло Горюшко во могилушку,
Во могилушку, во матушку сыру землю [32, № 441].

В одной песне Молодец уходит в монастырь, причем направляет его туда само Горе. Но и тут кончается песня все-таки смертью Молодца:

Велит горюшко идти в честные во монастыри,
Постригся добрый молодец и посхимился,
И прошло тому времечка ровно три года,
И тут ему, добру молодцу, и смерть пришла [32, № 438].

Гибелью Молодца заканчивается и песня о добром молодце и реке Смородине из сборника Кирши Данилова [26, с. 257–261].

Все это позволяет сделать вывод, что река в «Повести о Горе и Злочастии» может трактоваться как граница между страной людей и страной нелюдей, между жизнью и смертью. В таком случае монастырь оказывается как бы ситуационным синонимом могилы песен о Горе. Причем неважно, как мы отвечаем на вопрос: что первично – повесть или песни? В первом случае получается, что современники воспринимали уход Молодца в монастырь как его смерть, во втором – что сам автор повести приравнял могилу к монастырю.

Древнерусский перевоз. Взято из: Дунаев Б.И. Библиотека старорусских повестей. Т. 3: Повесть о Горе и Злочастии. М, 1914

Специфика художественного мира «Повести о Горе и Злочастии»

Таким образом, в «Повести о Горе и Злочастии» происходит переосмысление оппозиции монастырь – дом – каба́к, которая в официальной картине мира трактовалась как изоморфная глобальной вертикально ориентированной оппозиции небо – земля – ад. В повести и дом, и каба́к представлены как расположенные в одной плоскости и равно являющиеся «вотчиной Горя». Монастырь же утрачивает положительную маркированность и приравнивается могиле народных песен о Горе. Уход Молодца в монастырь – не начало пути по лестнице праведности, а его смерть, так сказать, абсолютный конец героя.

Вспомним в связи с этим еще одно произведение XVII века, известную «Повесть о Савве Грудцине». Молодец «Повести о Горе и Злочастии» и Савва Грудцин часто рассматриваются как герои одного типа, ослушники родительской воли, представители «нового поколения». Однако, как представляется, Савва – герой куда более традиционный. И жизнь его, и смерть практически полностью укладываются в житийный канон. Приведем концовку «Повести о Савве Грудцине». После бурной, греховной жизни Савва заболевает, «и бе болезнь его тяжка зело, яко быти ему близ смерти». Бесы нещадно мучают страдальца, спасает его только глубокое раскаяние. Богородица являет на Савве чудо исцеления, и раскаявшийся грешник уходит в монастырь: «И восприят иноческий чин и нача тут жити в посте и молитвах, непрестанно моляся господеву о согрешении своем. В монастыре же оном поживе лета довольна, ко господу отъиде в вечный покой, иде же святии пребывают». Изображенный здесь монастырь – это

те самые «двери рая», которые раскрылись в свое время перед Феодосием Печерским, а сам Савва Грудцин – это как раз типичный раскаявшийся блудный сын евангельской притчи. Именно о таком восприятии Саввы современниками, по крайней мере на начальном этапе бытования повести, свидетельствует и ее название в ранних редакциях: «Повесть сия зело предивна, страха и ужаса исполнена и неизреченного удивления достойна, како человеколюбивый Бог долготерпеливо ожидает обращения нашего и неизреченными судьбами всякого приводит ко спасению, еже содеется в царствующем граде Москве от чудотворной иконы Богоматери, пресвятой Богородицы Казанския» [33, с. 126].

Финал притчи о блудном сыне, запечатленный в знаменитом Рембрандтовом «Возвращении блудного сына», символизирует возможность конечного спасения человека: ему есть куда возвращаться. Именно такая история раскаявшегося и обретшего спасение блудного сына рассказана в «Повести о Савве Грудцине».

Иная ситуация в «Повести о Горе и Злочастии». Действие в ней развивается в качественно ином пространстве, в котором поступки Молодца, даже аналогичные поступкам блудного сына, приобретают иной смысл. Традиционные сюжетные ходы получают нетрадиционную интерпретацию. Уход в монастырь, трактуемый ранее как путь восхождения на одну из самых высоких ступеней лестницы праведности, может быть интерпретирован как равнозначный смерти Молодца, а путь в кабак, традиционно расценивавшийся как путь в «пасть адову», получает в повести амбивалентную окраску: в кабаке можно, с одной стороны, потерять свое социальное лицо, оторваться от социального целого и, таким образом, погибнуть как личность, а с другой стороны, пропившись донага, легче попасть в рай, так как «из раю нагих, босых не выгонят, а с тово свету сюды не вытепут».

В целом художественное пространство «Повести о Горе и Злочастии» гетерогенно. Во вступлении задана традиционная вертикально ориентированная оппозиция рай – земля как место обитания первых людей – земля как пространство реальных исторических событий. Причем движение происходит сверху вниз: из рая люди опускаются на землю «на niskую», далее – еще глубже, в царстве «нищеты», «босоты», «сопостатных находов». В основной части повести действие переносится в пространство бытовой жизни человека, а само это пространство представлено как расположенное в одной плоскости. Сюжетная пружина

как бы вырывается из стискивающих ее вертикальных рамок и начинает раскручиваться по горизонтали. В этом можно усмотреть одно из проявлений того общего для литературы XVII века процесса, который Д.С. Лихачев определил как «эмансипация сюжетного построения» [19, с. 157–159]. Понятно, что с «эмансипацией сюжета» корреспондирует и «эмансипация», или «секуляризация», художественного пространства: действия персонажа переносятся с иерархической вертикали на бытовую горизонталь. «Секуляризация», или, точнее «бытовизация» художественного пространства отражала одну из важнейших тенденций русской жизни XVII века, имевшую первостепенное значение для всей дальнейшей русской истории. Это – возрастание роли обыденной, бытовой стороны жизни человека. Академик В.Н. Топоров так пишет об этом: «И все-таки в наследии XVII века была сфера, где “середина” не только обнаруживала себя, но и возрастала в своем значении. В широком смысле слова – это быт. Как бы отпущенный на волю духовным максимализмом, он избрал себе как ведущий принцип пословицу “по одежке протягивай ножки”, он сменил высокие, но пока еще нереальные вехи на посильные, понятные, близкие цели, и, двигаясь к ним, он уплотнял материальную ткань русской жизни, складывал человека труда, труженика, который мог успешно продолжать свой труд только в том случае, если он был еще и человеком совести, нравственным человеком» [29, с. 207].

Однако пока, в XVII веке, само это новое горизонтально организованное бытовое пространство еще не освоено. И если в мире средневекового человека, как писал П.М. Бицилли, «нельзя было заблудиться», то мир «Повести о Горе и Злочастии» предстает как среда со спутанными пространственными ориентирами. Движение персонажа в нем – это именно «блуждания» и «заблуждения», а само пространство еще предметно не заполнено, разрежено: «Повсюду глушь и неизмеримая даль!» [21, с. 61].

Молодец – персонаж нового типа

Новому восприятию пространства и новым законам построения сюжета, развивающегося теперь «по преимуществу по законам жизни» [19, с. 158], соответствует и новый тип персонажа. Думается, Молодец «Повести о Горе и Злочастии» – это не беспомощный, скатившийся к «кроткому пьянству» герой, как считал Ф.И. Буслаев [21, с. 61]. Вряд ли справедливы и мнение В.Ф. Ржиги, что он человек «с крайне неустойчивой психикой» [34, с. 62], или утверждение В.Ф. Переверзева о том, что Молодец страдает одержимостью, а Горе – его галлюцинация, плод расстроенного воображения [35, с. 249]. Не удовлетворяет нас и психоаналитическая трактовка Вильяма Харкинса. Его Молодец оказывается невротиком, поэтому так опасны для героя пьянство и похвальба, обычные для остальных, нормальных членов общества: «Drinking and boasting, normal for society, are dangerous for him, because he is, in fact, a neurotic» [36, с. 516]. Конечно, применение к анализу образа литературного героя, причем созданного более трех веков назад, методов современной психиатрии чревато весьма серьезными последствиями. Ведь и само понятие болезни и здоровья, особенно психического, во многом исторически обусловлено и меняется от эпохи к эпохе, от одного типа культуры к другому. А если следовать по этому пути, то придется и гомеровских героев зачислить в разряд неврастеников. С какой легкостью и как обильно все они, даже мужественный Ахилл, проливают слезы.

Нельзя согласиться и с характеристикой молодца, данной Н.В. Водозовым: этот «типичный характер, действующий в типических обстоятельствах», для которого самое дорогое –

«счастье всего народа, а не отдельной человеческой личности», терпит поражение и вынужден уйти от жизни в монастырь, «что было равносильно отказу от борьбы за лучшее будущее» [37, с. 375, 378].

Вызывает сомнения и вывод А.С. Демина о том, что Молодец является как бы заложником «вечной и непреодолимой отдаленности бедных от богатых» [38, с. 454]: «Полное превращение Молодца в “нагого-босого” человека, полный его переход в число “глупых-бедных” в “Повести” были как бы невозможны. Молодец по недоразумению (то друг обманул, то Горе в облике архангела Гавриила обмануло) лишь “приметался” на время к “недобрым” людям, да и ушел от них» [38, с. 455]. Прав, конечно, академик А.М. Панченко, когда пишет: «Но в шумной толпе “гуляющих людей” Молодец выглядит белой вороной, случайным гостем» [1, с. 398]. Однако на пиру у добрых людей Молодец тоже не задержался, и дом свой создать не смог, и животы нажитые опять пропил. Если он белая ворона, то белая ворона и среди «глупых-злых» бедных, и среди «мудрых-добрых» богатых, он белая ворона в окружающем его мире.

Кажется, недостаток всех приведенных толкований образа Молодца кроется именно в том, что они не всегда учитывают специфику художественного мира, в котором действует этот персонаж. Мир Молодца – это враждебный, чужой мир. Он живет и по законам домостроевской морали, и нарушая их, однако ни в стенах дома, ни в кабаке, ни в монастыре не может обрести своего места. Д.С. Лихачев так определил позицию Молодца в окружающем его мире: «Он не знает, куда он идет, чего он хочет» [2, с. 367]. Вспомним также: Д.С. Лихачев пишет, что «Повесть» ставит те же проблемы, что и литература русского реализма. И тогда не покажется натяжкой утверждение, что Молодец, возможно, первый «лишний человек» в истории русской литературы.

Более того, можно вполне обоснованно сказать, что «Повесть о Горе и Злочастии» поднимает те же экзистенциальные проблемы бытия, что и Альбер Камю в XX веке: мир отторгает человека, он здесь – «посторонний». В «Повести о Горе и Злочастии» отражен момент трагического разлада, «несовпадения» человека и вселенной. И объяснения этому надо искать, конечно, не в личных качествах героя, а в каких-то глубинных, конструктивных особенностях мира, в котором он обитает и действует.

Заключение

Отец Фроловский дал потрясающую по глубине характеристику мира русского человека XVII века: «Кажущийся застой XVII века не был летаргией или анабиозом. Это было скорее лихорадочное забытие, с кошмарами и видениями. Не спячка, скорее оторопь... Все сорвано, сдвинуто с мест. И самая душа сместилась. Скитальческой и странной русская душа становится именно в Смуте» (цитируется по: [29, с. 195]).

И вот в этот мир голодных, босых, мятущихся и смятенных людей помещает своего героя автор «Повести о Горе и Злочастии». Молодец вслед за Гамлетом мог бы воскликнуть: «Распалась связь времен!» А мог обратиться к народной мудрости, которая и на этот случай припасла меткое словцо: «Времена шатки, береги шапки!» И действительно, в мире Молодца все смутно и неопределенно: родная жена может оказаться убийцей, названный брат – предателем и вором, и даже само горе может «излукавиться» и предстать в образе архангела Гавриила. Мир расползается, как когда-то богато затканная золотом, но уже полуистлевшая парча, и из всех прорех его лезет «горе наго, босо». И эти прорехи уже не залатать заплатами прадедовской морали.

Итак, в XVII веке происходит коренная ломка средневековой картины мира. Рушатся представления о пространстве как о вертикально организованной иерархической лестнице. Доминантой восприятия пространства становится не аксиологически осмысленная вертикаль, а уходящая в неизмеримую даль будущего горизонталь.

Привычные пространственные ориентиры переосмысливаются, старые оценки подвергаются сомнению, новые еще не

сформировались. Все эти процессы отражает и литература «переходного» периода, в первую очередь – «Повесть о Горе и Злочастии». Происходит эмансипация художественного пространства и сюжета, появляется новый тип персонажа, находящегося в разладе с миром. Коренным образом изменяется точка зрения, организующая мир произведения. Агиограф, например, – это рупор божественной истины. Отсюда его постоянное самоуничижение, отсюда и наличие в произведении одной и единственно правильной точки зрения на события – теоцентрической. А в «Повести о Горе и Злочастии» автор как бы сам расположен в плоскости героя. Молодец относится к тому типу персонажей, который Генри Джеймс называл отражателем: мы видим не только его, но и через него, его глазами окружающий мир [6, с. 71]. Теоцентрическая точка зрения уступает место антропоцентрической. Все это предопределяет дальнейшие пути развития русской литературы, продолжающей в новых условиях поиски ответа на главный вопрос о сущности человека и его месте в мире.

Литературные произведения имеют разную судьбу: одни из них подобны бабочкам-однодневкам, другие живут в веках. «Повесть о Горе и Злочастии» не относится к разряду однодневок, она прочно заняла по праву принадлежащее ей место среди таких шедевров русской литературы, как «Слово о полку Игореве», «Житие протопопа Аввакума», «Мертвые души» или «Война и мир». Современный читатель ищет в повести ответы на иные вопросы, чем те, которые волновали человека Древней Руси, и находит их. Это, конечно, не значит, что мы что-то примышляем к содержанию произведения. Перефразируя несколько слова М.М. Бахтина, можно сказать, что сама «Повесть о Горе и Злочастии» выросла за счет того, что действительно было и есть в этом произведении, но что читатели Древней Руси не могли осознанно воспринять и оценить в контексте культуры своей эпохи.

«Повесть о Горе и Злочастии» вошла в большую русскую литературу, и написанные позже нее произведения по-новому осветили ее. И нет ничего удивительного в том, что А.К. Дорошкевич привлекал образ Молодца для объяснения аскетизма тургеневской Лизы Калитиной и сравнивал его с героем гоголевского «Портрета» [39, с. 19, 37, 38], а Д.Г. Майданов видел общность Молодца с горьковским Фомой Гордеевым [40, с. 211–215]. Пусть эти сопоставления в чем-то нас не удовлетворяют. Повторим еще раз: каждая эпоха ищет в повести ответы на свои вопросы. Все

это говорит о том, что «Повесть о Горе и Злосчастии», как и любое великое произведение искусства, подобна живому организму: она взаимодействует с окружающей средой, что-то воспринимает из нее, меняется сама и что-то новое отдает жизни.

Приложение. «Повесть о Горе и Злочастии» в русской поэзии

«Повесть о Горе и Злочастии» неоднократно издавалась отдельно или в составе различных сборников и хрестоматий. Но вот судьба ее в истории русской поэзии сложилась не так удачно, как, например, судьба «Слова о полку Игореве». Существует множество поэтических переводов «Слова», сделанных в XIX и XX вв. Достаточно вспомнить прекрасный перевод Н. Заболоцкого. К «Повести о Горе и Злочастии» крупные русские поэты не обращались.

Автору известен единственный ее поэтический перевод, сделанный Н. Марковым и опубликованный в 1896г. в Елисаветграде [41]. Произведение Н. Маркова не получило широкой известности и не стало фактом истории русской поэзии. Более того, в журнале «Русская мысль» в 1897 г. появилась разгромная рецензия на этот перевод, где были такие слова: «Не понимаем, зачем понадобилось перекладывать чудесное и всем доступное по языку Горе-Злочастье на современные дубовые вирши, тоскливые, несуразные – и предпосылать им бледное и бесцветное предисловие общего характера, когда читатели свободно могут прочесть чудесные статьи Буслаева и Пыпина об этом произведении?» [42, с. 410].

Лет двадцать назад автору довелось услышать фрагменты перевода «Повести о Горе и Злочастии», выполненные М.М. Антоновым былинным стихом. Но обнаружить где-либо этот перевод автору с тех пор так и не удалось. Поэтому в «Приложение» помещено все-таки воспроизведение перевода Н. Маркова, несмотря на все его несовершенства.

К теме «горя-злосчастия» обращался в своем творчестве известный крестьянский поэт С.Д. Дрожжин. С публикации в журнале «Грамотей» в 1873 г. стихотворения «Песня про горе добра молодца» начинается творческая биография поэта. Текст стихотворения С.Д. Дрожжина «Горе лютое» публикуется по: [43, с. 39].

Цикл стихотворений по мотивам «Повести о Горе и Злосчастии» принадлежит и перу А.К. Толстого (публикуется по: [44]).

Вниманию читателя предлагаются также фрагменты стихотворного переложения на современный русский язык «Повести о Горе и Злосчастии», выполненные автором. Отметим, что на роль самостоятельного произведения они не претендуют, а представляют собой лишь дополнительный (но все же не побочный) продукт нескольких лет работы автора в области филологического исследования одного из самых замечательных произведений древнерусской литературы.

Достойный величия самой «Повести о Горе и Злосчастии» полный поэтический перевод ее на современный русский язык остается делом новых поколений русских поэтов.

С.Д. Дрожжин

Горе лютое

Ой, ты, горе мое,
Горе лютое!
Ходишь ты в зипуне
Необутое;
Ходишь ты, костылем
Подпираешься,
Ходишь злое, кругом
Озираешься;
По селам, деревням
Ходишь праздное,
По питейным домам
Безобразное;
Где с тобою бедняк
Каждый знается.

А.К. Толстой

**Стихотворения по мотивам
«Повести о Горе-Злосчастии»**

Уж ты, мать-тоска, горе-гореваньице,
Ты скажи, скажи, ты поведай мне:
На добычу-то как выходишь ты?
Как сживаешь люд божий со свету?
Ты змеей ли ползешь подколодною?
Ты ли бьешь с неба бурым коршуном?
Серым волком ли рыщешь по полю?
Аль ты, горе, богатырь могуч,
Выезжаешь со многой силою,
Выезжаешь со гридни и отроки?
Уж вскочу в седло, захвачу тугой лук,
Уж доеду тебя, горе горячее,
Подстрелю тебя, тоску лютую!
“Полно, полно, добрый молодец,
Бранью на ветер кидатися,
Неразумны слова выговаривать!
Я не волком бегу, не змеей ползу,
Я не коршуном бью из поднебесья,
Не с дружиною выезжаю я -
Выступаю-то я красной девицей,
Подхожу-то я молодичею,
Подношу чару, в пояс кланяюсь,
И ты сам слезешь с коня долой,
Красной девице отдашь поклон,
Выпьешь чару, отуманишься,
Отуманишься, сердцем всплачешься,
Ноги скорые-то подкосятся,
И тугой лук из рук выпадет!..”

1854

Не божиим громом горе ударило,
Не тяжелой скалой навалилося;
Собиралось оно малыми тучками,
Затянули тучки небо ясное,
Посеяло горе мелким дождичком,
Мелким дождичком осенним.
А и сеет оно давным-давно,
И сечет оно без умолку,
Без умолку, без устали,
Без конца сечет, без отдыха;
Проняло насквозь добра молодца,
Проняло дрожью холодною,
Лихорадкою, лихоманкою,
Сном-дремотою, зевотою.
“Уже полно, горе, дуб ломать по прутикам,
Щипати по листикам!”
А и бывало же другим счастьеце:
Налетало горе вихрем-бурею,
Ворочало горе дубы с корнем вон.

<1857>

Рассеивается, расступается
Грусть под думами под могучими,
В душу темную пробивается,
Словно солнышко между тучами.
Ой ли, молодец? Не расступится,
Не рассеется ночь осенняя,
Скоро сведаешь, чем искупится
Непоказанный миг веселия!
Прикачнулася, привалилася
К сердцу сызнава грусть обычная,
И головушка вновь склонилася,
Бесталанная, горемычная...

<1858>

Чужое горе

В лесную чашу богатырь при луне
Въезжает в блестящем уборе;
Он в остром шеломе, в кольчатой броне
И свистнул беспечно, бочась на коне:
“Какое мне дается горе!”

И едет он рысью, гремя и звеня,
Стучат лишь о корни копыты;
Вдруг с дуба к нему кто-то прыг на коня!
“Эй, кто за плечами там сел у меня?
Со мной, берегись, не шути ты!”

И щупает он у себя за спиной,
И шарит, с досадой во взоре;
Но внемлет ответ: “Я тебе не чужой,
Ты, чай, об усобице слышал княжой,
Везешь Ярослава ты горе!”

“Ну, ври себе! – думает витязь, смеясь,-
Вот, подлинно, было бы диво!
Какая твоя с Ярославом-то связь?
В Софийском соборе спит киевский князь,
А горе небось его живо?”

Но дале он едет, гремя и звеня,
С товарищем боле не споря;
Вдруг снова к нему кто-то прыг на коня
И на ухо шепчет: “Вези ж и меня,
Я, витязь, татарское горе!”

“Ну, видно, не в добрый я выехал час!
Вишь, притча какая бывает!
Что шишек еловых здесь падает вас!”
Так думает витязь, главою склонясь,
А конь уже шагом шагает.

Но вот и ступать уж ему тяжело,
И стал спотыкаться он вскоре,
А тут кто-то сызнава прыг за седло!
“Какого там черта еще принесло?”
“Ивана Васильича горе!”

“Долой вас! И места уж нет за седлом!
Плеча мне совсем отдалило!”
“Нет, витязь, уж сели, долой не сойдем!”
И едут они на коне вчетвером,
И ломится конская сила.

“Эх,— думает витязь,— мне б из лесу вон
Да в поле скакать на просторе!
И как я без боя попался в полон?
Чужое, вишь, горе тащить осужден,
Чужое, прошедшее горе!”

[1866]

Ты неведомое, незнамое,
Без виду, без образа,
Без имени-прозвища!
Полно гнуть меня ко сырой земле,
Донимать меня, добра молодца!
Как с утра-то встану здоровешенек,
Здоровешенек, кажись гору сдвинул бы,
А к полудню уже руки опускаются,
Ноги словно ко земле приросли.
А подходит оно без оклика,
Меж хотенья и дела втирается,
Говорит: “Не спеши, добрый молодец,
Еще много впереди времени!”
И субботу называет пятницей,
Фомину неделю светлым праздником.

Я пушуся ли в путь-дороженьку,
Ан оно повело проселками,
На полпути корчмой выросло;
Я за дело примусь, ан оно мухою
Перед носом снует, извивается;
А потом тебе же насмехается:
“Ой, удал, силен, добрый молодец!
Еще много ли на боку полежано?
Силы-удали понакоплено?
Отговорок-то понахожено?
А и много ли богатырских дел,
На печи сидючи, понадумано?
Вахлаками других поругано?
Себе спину почесано?”

[1857]

Ю.Л. Воротников

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ И ЗЛОЧАСТИИ

Как Горе-Злочастье довело Молодца во иноческий чин

Пролог

Создатель, людей поселяя в раю,
Великую заповедь дал им свою:
Плода не вкушать от эдемского древа.
Но заповедь Божью нарушила Ева.
Разгневался гневом великим Господь.
Низринул людей он на низкую землю,
И смерти обрек непокорную плоть,
Адамову горькому плачу не внемля.
С тех пор испытало Адамово семя
Срамные позоры и злые напасти,
Великие беды неправедной власти
И Горя нечистого вечное время.

Монолог Горя

Погоди, добрый Молодец, стой!
Мы еще поиграем с тобой.
Привязалось к тебе не на час.
Уж свела коль нелегкая нас,
Не оставлю тебя, Молодца.
Буду рядом с тобой до конца.
Превратишься в густую траву –
Я тебя в чистом поле сорву,
Сизым голубем в небо взлетишь –
В мои когти опять угодишь.
Были люди в ватаге моей
И мудрее тебя, и хитрей,
И они от меня не ушли.

Поклонись же до самой земли
Мне на этом крутом берегу,
И тогда я тебе помогу.
Заживем мы привольно с тобой,
Зашумит над тобою разбой,
Научу, как ограбить-убить,
Самому чтоб повешенным быть.
В монастырь от меня не уйдешь!
Все равно ни за грош пропадешь.
Повстречал ты меня на беду:
До могилы тебя доведу,
Доконаю тебя все равно.
И когда на могильное дно
Я тебя наконец уложу,
Вот тогда-то тебе уложу.

Монолог Молодца

У Горя-Злосчастия обликов много,
И способов много меня погубить.
И вот я опять выхожу на дорогу,
Чтоб Горе-Злосчастью дорогой избыть.
Не внял я родительским мудрым заветам.
Хотелось мне жить по уму своему.
И мне даровало Злосчастье за это
Сомнения – в душу, а в руки – суму.
В драгих ли портах или в гуньке кабацкой,
В честном ли пиру или в доме отца
Не мог никуда я от Горя деваться.
Мы с ним неразлучны, как два близнеца.
Пойду ли я рыбой в глубокое море,
Укроюсь ли зверем в чащобе лесной –
Везде меня сыщет Горинское-Горе,
Под ручку под правую всюду со мной.

Мил друг меня предал, забыла невеста.
И хоть беспредельна российская ширь,
Здесь Молодцу доброму нет больше места.
Осталась дорога одна – в монастырь.
В обители тихой найду ли спасенье?
И рад бы поверить, да знаю, что ложь:
Во мне мое Горе. Не жду избавленья.
Беги, не беги – от себя не уйдешь.
Душа моя гибнет, в тоске изнывая.
Но горьким скитаниям близок конец.
Нагого-босого не гонят из рая,
И блудного сына приемлет Отец.
Избудется Горе за гробом.
И все же Милы мне земных искушений пути.
И если ты можешь, всеблагостный Боже,
Продли их. И грешную душу прости.

Эпилог

«А и горе, горе-гореваньнице!»
Сгинул Молодец. Даже прозваньица
Не осталось от Молодца.
Не ушел он от злого конца.
Где ж его молодецкая пруть?
«А и в горе жить – некручинну быть!»

ГОРЕ-ЗЛОЧАСТІЕ.

ДРЕВНЕЕ РУССКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Переложилъ на современный языкъ

Н. Марковъ.

ВЛАСАВУТГРАДЪ.

Паровая Типографія М. Гольденберга.
1896.

Горе-Злочастіе.

Русская повѣсть XVI—XVII вв

Послалъ Богъ отцу-матери чадо.
И разумень, и кротокъ душою.
Выростая подъ кровлей родною.
Быль родителямъ сынъ ихъ отрадой.
Будеть молодецъ въ разумѣ, силѣ;
На ученіе время приспѣло.
Наставляя на доброе дѣло,
Сыну мать и отецъ говорили:
„Ты послушай-ка, чадо родное,
„Отъ родителей мудраго слова.
„Это слово отъ вѣка святое -
„Не узнаешь съ нимъ горя лихого:
„Не ходи ты въ пиры и забавы,
„Не садися на большемъ ты мѣстѣ
„Изь-за ложной, наружной лишь чести
„И на братчинахъ хмельной отравы,
„Выбирая, коль нужно, средину,
„Не пей, чадо, двухъ чаръ за едину;
„Не страшись наставлений ты мудрыхъ:
„Тебя умные злу не наставятъ.
„Бойся, чадо, ты разумомъ скудныхъ:
„Тебя глупые люди ославятъ.
„Нѣту правды въ ихъ ласкѣ коварной,
„Надъ тобой они зло насмѣются

„И, обидѣвши, лестью обманной.
„Отъ тебѣ безъ стыда отвернутся.
„Рода нашего имя честное
„Не знавало людского укора . . .
„Береги-жь его, чадо родное,
„Какъ зеницу свою, отъ позора!
„Не ходи къ костарямъ ты на сборы,
„Не водися съ кабацкой дружиной,
„Не вступай въ недостойные споры
„И не знайся ты съ глупой людиной!
„Не ищи ты богатства чужого,
„Не безчествуй ты ближняго ложью
„И въ душѣ. помня заповѣдь Божью,
„Не помысли ты дѣла дурного.
„Чти родителей имя святое
„И храни его въ памяти чистой:
„Самъ Господь тебѣ счастье земное
„Ниспошлетъ на дорогѣ тернистой.
„Не гордися душою надменной,
„Чти равно ты богатыхъ, убожныхъ.
„И, друзей выбирая надежныхъ.
„Знайся съ мудрымъ любовью безсмыслиной!“

Но не понялъ сынъ счастливой доли:
Знать, зазорно отцу покориться.
Передъ матерью стыдно смириться,
Жить хотѣлъ онъ по собственной волѣ.
Улыбнулась жизнь молодая;
Богатѣлъ онъ деньгами-казною,
И безъ зова, его величая,
Шли друзья къ нему спѣшно толпою.
Пятьдесятъ какъ рублей набралось;
Ужъ полъ-сотни друзей завелось.
Былъ одинъ; онъ съ умомъ осторожнымъ
Въ его душу змѣею закрался.

Братомъ названнымъ, другомъ надежнымъ
Къ нему съ думой коварной закрался.
Обошелъ его рѣчью лукавой
И на дворъ на веселый кабацкій,
Объщая потѣшить забавой,
Заманилъ его ласкою братской.
Подносилъ ему чашу хмельного,
Наливалъ ему пьянаго пива
И въ бесѣдѣ пріятельской льстиво
Говорилъ ему хитрое слово:
„Выпей, друже, мой братецъ названный.
„На великую радость, веселье.
„Нѣту молодцу въ хмелѣ изъяна,
„На здоровье живеть намъ похмелье!
„Выпей горькаго чару, другую,
„Засласти ее сыченымъ меломъ,
„Если жъ дѣло пойдетъ въ круговую
„И упьешься, случится, съ народомъ,
„Не бѣда! Это дѣло пустое. . .
„Передъ другомъ стыдиться негоже;
„И гдѣ пилъ, тамъ спокойно любое
„Выбирай себѣ по сердцу ложе.
„Положись на названнаго брата,
„Не сыскать его друга вѣрнѣе,
„Его сердце любовью богато,
„И не страшны съ нимъ думы злодѣя.
„Я стеречь тебя сяду дозоромъ,
„Для тебя-ль не найдется досуга,
„И во снѣ я чудеснымъ уборомъ
„Уберу тебя, милаго друга:
„Въ головахъ будетъ полная кружка,
„Вскрай поставлю вино зеленое,
„Поблизу тебя пиво хмельное:
„И у спящаго будетъ пирушка.
„Сохраню я тебя, не оставлю,
„Къ отцу-матери сына доставлю.

Не ослушался молодецъ брата,
Понадѣялся крѣпко на друга—
Слово братское чисто и свято—
Безъ корысти такая услуга.
Принимался за чару съ питьями,
Пилъ вино онъ и пѣнное пиво,
Подслащалъ его горечь медами
И въ бесѣдѣ веселой шутило
Тѣшилъ сердце онъ съ другомъ рѣчами.
Скоро молодецъ хмелемъ упился,
А гдѣ пилъ, тутъ и спать онъ ложился...

Будетъ къ вечеру день. Ужъ зарею
Закатъ ярко на небѣ занялся.
Тю поздней вечерней порою
Отъ сна молодецъ нашъ пробуждался.
Бродить взоромъ онъ, страхомъ объятый,
Видитъ — нѣтъ на немъ платья цвѣтного,
Ни портовъ, ни рубахи богатой,
Ни достатка его нажитого.
Лишь оставленъ нарядъ необычный
Ему хитрой измѣной лукавой
Въ головахъ его камень кирпичный,
А у ногъ его лапоть дырявый;
Да позорною гункой кабацкой,
Чтобъ стыда его тѣло не знало,
Онъ прикрыть той заботою братской.
Мила-жъ друга и близко не стало.
Одѣвалъ тотъ нарядъ онъ убогій,
Онъ накидывалъ гунку на тѣло
Да въ дырявые лапти рукой неумѣлой
Обувалъ свои бѣлыя ноги.
Умывался водой онъ холодной,
Да не смылъ онъ позора лихого;
Самъ въ кручинѣ тоскѣ безъисходной

Говорилъ себѣ горькое слово:
„Наградилъ Богъ завидною долей,
„Что и ѣсть уже нечего стало,
„И живи себѣ вольною волей.
„Какъ деньги за душою не стало.
Такъ друзей будто въ вѣкъ не бывало*.
Стыдно молодцу въ этомъ позорѣ
Къ отцу-матери въ домъ показаться
И съ друзьями въ кабакомъ уборѣ
Не пристойно ему повидаться.
Тогда, сторону бросивъ родную.
Пошелъ молодецъ въ землю чужую.

Видить дворъ — точно городъ строеній.
Въ немъ изба — будто теремъ высокій.
Идетъ пиръ тутъ почестный, широкій,
Слышны говоръ и клики веселій;
На тотъ пиръ онъ вошелъ сиротливо,
Чудотворнымъ иконамъ молился
И всѣмъ людямъ съ привѣтомъ учтиво
На четыре конца поклонился.
Смотрятъ люди на гостя въ сомнѣнѣ;
Видятъ: крестить лицо онъ умѣло
И, какъ въ книжномъ ведется ученѣ,
Исполняетъ разумное дѣло.
Просятъ молодца люди по чести,
За дубовый свой столъ приглашаютъ
И на среднемъ на пиршествѣ мѣстѣ
Его, милаго гостя, сажаютъ.
Садятъ тамъ, какъ обычай ведется.
Гдѣ гостинные люди садятся . . .
Снова чара за чарой несется,
Снова въ говорѣ всѣ веселятся.
Будетъ пиръ ужъ въ разгарѣ веселья:
Рѣчи въ общемъ текутъ разговорѣ

И, кто можетъ, въ бесѣдѣ и спорѣ
Похваляется каждый съ похмелья.
Но не радуется гостя утѣха.
Въ робкомъ сердцѣ таить онъ кручину,
Не до споровъ ему и до смѣха
И клянетъ онъ лихую судьбину.
Говорятъ ему люди съ участиемъ:
„Что же, молодецъ добрый, разумный,
„На бесѣдѣ веселой и шумной
„Не похвалишься ты своимъ счастьемъ?
„Или чарой ты нашей обиженъ,
„Или чѣмъ надъ тобою насмѣялись.
„Наши ль дѣти тебѣ надругались,
„Иль по роду ты мѣстомъ униженъ?“
Сидя молодецъ имъ отвѣчаетъ:
„Я скажу, государи, вамъ горѣ,
„Про бѣду ли, что сердце терзаетъ,
„Про питье на пріятельскомъ сборѣ,
„Про кабацкое злое гулянье
„Да родительскихъ словъ ослушанье.
„Какъ я взялся за чашу хмельную,
„Какъ забылъ отца-матери слово,
„Я сгубилъ свою жизнь молодую
„И не знаю ужъ счастья былого.
„Наказалъ Господь гнѣвомъ тяжелымъ,
„Мое сердце исполнилъ печали;
„И во грѣшномъ житьѣ моемъ новомъ
„Скорби душу мою истерзали.
„Нищета мои рѣчи сковала,
„Злой тревогой лицо изсушила:
„Оттого-то душа приуныла.
„Будто радости, счастья не знала.
„Помутились ясныя очи,
„Наклонилось стройное тѣло,
„Молодецкой нѣтъ удали, мочи,
„Нѣтъ ужъ поступи гордой и смѣлой.

„Государи мои. научите,
„Какъ повесть свою жизнь на чужбинѣ,
„Словомъ добрымъ, участнымъ скажите,
„Какъ друзей отыскать мнѣ отнынѣ?“
— „Гой ты, молодецъ добрый, разумный!
Говорятъ ему люди на пирѣ:
„Ты послушай пословицы умной—
„Не извѣдаешь горя ты въ мирѣ:
„Не будь гордъ предъ людьми на чужбинѣ.
„Тутъ спѣсивому плохо живется,
„И друзьямъ и врагамъ безъ гордыни
„Покорись! Такъ ужъ въ свѣтѣ ведется.
„Будетъ—тайну узнаешь какую,
„Закопай ее въ сердце глубоко:
„Про молву ли услышишь людскую,
„Думай самъ ты въ душѣ одиноко.
„Не ползи ты змѣєю лукавой,
„Съ лестью сладкой у ногъ не свивайся,
„Не гонися за почестью, славой
„И съ прямого пути не сбивайся.
„Сперва встрѣтитъ тебя недоверье,
„Но узнаютъ тебя люди скоро,
„И за правду твою и смиренье
„Не услышишь людского укора.
„Друзья сами къ тебѣ назовутся
„И надежные братья найдутся!“

И отсюда опять въ край далекій
Пошелъ молодецъ нашъ одинокій.
Сталъ онъ жить на чужбинѣ умѣло.
Лучше прежняго дѣло спорилось,
Нажитое богатство полнѣло,
Само счастье въ руки просилось.
Присмотрѣлъ здѣсь невѣсту онъ вскорѣ,
Приглянулась по сердцу дѣвица.

Позабывъ свое старое горе,
Захотѣлъ онъ на волѣ жениться.
Тутъ обычаемъ молодецъ честнымъ
Звалъ гостей къ себѣ ласковымъ словомъ,
Угощалъ онъ ихъ пиромъ почестнымъ
На привольномъ житьѣ своемъ новомъ.
Только новою жизнью успѣшной
Не очистилъ души своей грѣшной.
Попустилъ, зная Господь! Его волей
Въ сердце молодца дьяволъ вселился:
Предъ друзьями завидною долей
На пиру онъ своемъ похвалился.
Но не прочно хвастливое слово,
На погибель оно человѣку—
„Сталъ я, други, богаче былого,
„Не прожить мнѣ богатства до вѣку!“
Но подслушало Горе-Злочастье.
—Точно часа удобнаго ждало
Горделивое слово про счастье
И невидимо тихо сказало:
„Не хвалися ты, молодецъ, волей,
„Ты не хвастай богатой казною.
„Были люди и съ лучшею долей,
„Да смирились они предо мною.
„И мудрѣй и богаче ко мнѣ попадали,
„Но хитрѣ меня не бывало;
„Со мной спорить они начинали,
„Только въ спорѣ имъ силъ не хватало.
„Приходила бѣда за бѣдою,
„Себя жизнью позорной срамили
„И, пока не закрылись землею,
„Меня, Гора, они не избыли.
„А, укрывши ихъ въ глубь вѣковую,
„Съ ними я беззаботно простилося.
„Только въ ту же могилу сырую
„Къ нимъ Злочастье лихое вселилося.

„Нищета ихъ тогда миновалась,
„Да Злочастіе осталось съ ними;
„Я же, Горе, съ друзьями моими
„Въ этомъ мѣрѣ къ другимъ привязалось.
„Не въ пустынѣ же мнѣ поселиться,
„Хочу въ людяхъ я жить; не отбиться
„Батогомъ отъ меня человѣку.
„Любо тѣшиться пѣснью мнѣ хмельной,
„А въ ватагѣ кабацкой, безлѣльной
„Я гнѣздо себѣ свило отъ вѣку.*
Говоритъ себѣ Горе лихое:
„Какъ бы къ молодцу мнѣ появиться?\"
Излукавилось сѣрое, злое:
Ему ночью рѣшило присниться:
„Откажи ты невѣстѣ избранной,
„Надъ собою бѣды ты не знаешь!
„Съ ея лестію женской, обманной
„Свое счастье на вѣкъ потеряешь.
„Обольститъ она рѣчью покорной,
„Обойдетъ тебя ласкою взгляда,
„И съ улыбкою лживой притворной
„Поднесетъ тебѣ, молодецъ, яда.
„Не постигнешь ты злого коварства,
„Будешь тайно невѣстой отравленъ,
„Изъ-за серебра-злата, богатства
„Будешь хитрой женою удушенъ.
„Ты пойди на иное веселье.
„Скинь свое ты гостинное платье,
„Въ кабацкѣ ли царевомъ въ похмельѣ
„Тебя ждуть уже милые братья.
„Тамъ ты горе забудешь, оставишь,
„За нагимъ не корысть ему гнаться,
„А нагому-босому, ты знаешь,
„Хоть разбоемъ удалымъ заняться!\"

Но прошли роковыя видѣнья,
Злому молодецъ сну не поддался;

И вторично въ ночномъ сновидѣнїѣ
Демонъ къ молодцу вновь привязался.
Излукавилось Горю. Напрасно
Къ человѣку оно не являлось,
И въ архангельскомъ образѣ ясномъ
На погибель къ нему показалось.
„Али, молодецъ добрый, удалый,
„Тебѣ жизнь наготы будетъ нова?
„Али съ долей знакомой бывалой
„Страшно молодцу встрѣтиться снова?
„На себя что купить-потеряешь,
„А нагой ты потери не знаешь.
„Легко въ свѣтѣ живется босому,
„Встрѣченъ ласкою онъ человѣка,
„Райской жизни къ блаженству святому
„Открыть путь ему вѣрный отъ вѣка.
„Не прогонять изъ рая босого,
„На землѣ не обидятъ нагого.
„Нѣтъ приманки въ дырявомъ уборѣ:
„Вольно дни его жизни катятся.
„А на вольномъ широкомъ просторѣ
„Хоть разбоемъ удалымъ заняться!“

Удалось, знать. Горю лихому:
Вѣрилъ молодецъ сну роковому:

Несъ въ кабакъ нажитое онъ злато,
Свое платье гостинное скинулъ
И на бѣлое тѣло съ заплатой
Онъ кабашку гунку накинулъ.
Смотрить молодецъ: въ этой одеждѣ
Стыдно милымъ друзьямъ показаться.
И опять онъ далеко, какъ прежде,
Пошелъ въ новыя страны скитаться.

На пути быстра рѣчка случилась,
Перевозчики всѣ за рѣкою.
Видитъ молодецъ—сердце забилось—
Что не справиться съ этой бѣдою:
Черезъ быструю рѣчку на берегъ
Не везутъ его люди безъ денегъ.
Добрый молодецъ слову внимаетъ,
Только, чѣмъ заплатитъ, онъ не знаетъ.
И на берегъ онъ въ горѣ садится.
Длинный день ужъ склонился къ закату;
Тяжкимъ голодомъ странникъ томится;
Гдѣ же взять ему нужную плату?
Тутъ вставалъ онъ на рѣзвья ноги;
Затуманился взоръ его думой;
Видитъ: нѣтъ поворота съ дороги,
И въ кручинѣ, убитый, угрюмый
Молвилъ грѣшное слово такое:
„Ахъ ты, Горе горинское, Горе!
„До чего ты домыкало, злое,
„Меня, молодца, въ дикомъ просторѣ!
„Печаль душу мою одолѣла,
„Истомила тоской безъисходной.
„Отъ тебя, знать, мнѣ время приспѣло
„Умереть лютой смертью голодной!
„Уже три дня въ бѣдѣ миновали,
„Куска хлѣба глаза не видали!
„Такъ ужъ брошусь я въ быструю рѣку:
„Вымой, рѣчка, волной меня бѣлой,
„Ѣшьте, рыбы, вы бѣльное тѣло!
„Коль не снять мнѣ позору до вѣку,
„Такъ ужъ лучше послѣднее дѣло!“
Но лишь молвилъ онъ страшное слово,
Смотритъ молодецъ: что-то мелькнуло:
Передъ нимъ изъ-за камня сѣдого
Быстро къ берегу Горе прыгнуло.

Передъ молодцомъ стало печальнымъ,
Само ниточкой хоть бы прикрыто,
Только въ поясѣ лыкомъ мочальнымъ
Его голое тѣло обвито.

Оно радостью злою разыграло,
Богатырски ему закричало:
„Постой, молодецъ! Горя, меня, ты
„Не уйдешь никуда и до вѣку,
„Не ищи себѣ съ жизнью расплаты,
„Не кидайся ты въ быструю рѣку!
„Да въ печали лихой не томися,
„Вѣдь кручиной бѣды не избудешь.
„А случилась бѣда — улыбнися,
„И кручину свою ты забудешь!
„Вспомни жизнь свою, счастье бывшее;
„Зачѣмъ рѣчи отца не послушалъ,
„Зачѣмъ матери слово нарушилъ
„И забылъ наставленье благое?
„Не хотѣлося имъ покориться,
„Не сживалась душа съ этой долей,
„Стыдно было предъ ними смириться,
„Жить хотѣлося собственной волей!
„Кто же слову отца не внимаетъ,
„Материнскій завѣтъ нарушаетъ,
„Того выучу я; а со мною
„Будетъ недругу онъ покоряться,
„Передъ тѣмъ, что не любо, склоняться
„И смирится предъ строгой судьбою.
„Безъ кручины ты мнѣ покорися,
„Нѣтъ на свѣтѣ мудрѣй меня. Горя,
„И нечистому мнѣ ты, не споря,
„До сырой до земли поклонися!
„Тебя въ мѣрѣ въ нуждѣ не оставятъ:
„Лаской добрые люди богаты,
„Тебя на берегъ съ честью доставятъ
„И накормятъ, напоятъ безъ платы.“

Видить молодецъ: Горе могуче,
Не избыть, знать, бѣды неминучей.
Передъ нимъ онъ нечистымъ смирился
И поклономъ земнымъ поклонился.—
Веселѣй на душѣ его стало.
Идетъ бережкомъ краснымъ, не плачетъ,
По песочку по желтому скачетъ
И несчатья какъ бы не бывало.
На пути себя думой ласкаетъ:
—Коли нѣтъ ничего за душою,
Такъ о чемъ же томиться тоскою.—
И напѣвочку такъ запѣваетъ: *
„Не въ нуждѣ меня мать породила,
„Гребешкомъ мои кудри чесала.
„Въ дорогія одежды рядила
„И ласкала меня. миловала.
„Словно солнышка свѣтъ заслоняя,
„Изъ-подъ ручки мнѣ въ очи глядѣла,
„Оцѣнить свое чадо хотѣла,
„И цѣны мнѣ не знала, родная.
„Если-бъ сбылися рѣчи родимой,
„Рѣчи матери нѣжной. любимой!
„Но душѣ изболѣвшей понятно,
„Что не скроить одежды нарядной
„Неумѣлой рукѣ изъ скарлату*),
„Нѣтъ безъ матери дѣтямъ забавы;
„Не быть бражнику въ жизни богату
„И не знать костарю доброй славы.
„А завѣченъ я съ дѣтства счастливымъ,
„Что бѣлешенькимъ мнѣ оставаться,
„Въ жизни съ горемъ-нуждою не знаться,
„Быть утѣхой родителямъ милымъ;
„Что головкой на свѣтъ я родился,
„Значить, съ долей счастливой явился.*

*) Дарюся матерію

Перевозчики пѣснь услышали:
Надъ рѣкой она звучно лилася,
По душѣ людямъ добрымъ пришлася.
Они молодца съ честію звали,
Хлѣбомъ-солью его угощали,
Во крестьянское платье рядили,
Ничего перевоза не брали,
Сами жъ слово ему говорили:
„А что, молодецъ добрый, любезный!
„Ты поиди въ свою землю родную,
„Къ отцу, матери нѣжной болѣзной,
„Имъ открой свою душу больную,
„Испроси у нихъ ласки, прощенья
„И на новую жизнь трудовую
„Бери съ честью у нихъ изволенья.“

И свернулъ тутъ онъ въ край свой далекій.
Занять умъ его ласковой рѣчью,
Смотритъ: тою же дорогой широкой
Къ нему лютое Горе на-встрѣчу.
Словно воронъ надъ соколомъ яснымъ,
Надъ нимъ сѣрое злобно взыграло,
Къ нему съ карканьемъ дикимъ ужаснымъ
Среди чистаго поля пристало:
„Постой, молодецъ! думой напрасной
„Не ищи ты въ надеждѣ покоя:
„Не ушелъ ты отъ доли злосчастной,
„Не разстанусь съ тобой такъ легко я,
„Не на время къ тебѣ я явилось,
„Повожусь до конца ужъ съ тобою.
„Не одно я на свѣтѣ родилось,
„А живу я большею семьею.
„Въ нашемъ родѣ мы всѣ тароваты,
„Хорошо намъ на свѣтѣ живется,

„Крѣпки силою. мощью богаты.
А кто въ нашу семью попадется.
„Не избыть тому лютой печали,
„Умереть ему въ мукахъ придется.
„И лучше тебя мы видали.
„Хотя птицею взвейся въ просторѣ,
„Кинься рыбой въ морскія пучины.
„Не уйдешь отъ меня ты. отъ Горя.
„Не избудешь своей ты кручины.“

Крѣпкимъ молодецъ духомъ занялся:
Яснымъ соколомъ въ небо поднялся.
Горе кречетомъ бѣлымъ вспорхнуло
Сизымъ молодецъ голубемъ взвился.
Въ облакахъ высоко закружился:—
Горе ястребомъ слѣломъ мелькнуло.
Пошелъ молодецъ звѣремъ по полю.
Сѣрымъ волкомъ отыскивать волю:—
Горе гончей въ догонку пустилось.
Сталъ онъ въ полѣ широкомъ травую.
Что ковыль надъ землею сырою:—
Горе съ острой косою явилось:
„Будешь срѣзана, травка. косою.
„Будешь бурей развѣяна злою.“
Въ море молодецъ рыбой пустился,
Думалъ— въ синемъ отъ Горя укрылся.
Горе съ неводомъ частымъ погналось,
Еще рѣчью надъ нимъ насмѣялось:
„Будешь поймана сътью ты частой.
„Умрешь, рыбка, ты смертью напрасной.“
Пошелъ молодецъ пѣшій во поле.—
Горе подъ руку съ нимъ неотступно.
Учить молодца рѣчью преступной.
Какъ богато живется на волѣ,
Наставляетъ его оно злое,
Какъ убить и ограбить въ разбоѣ.

Чтобъ петлею его удавили,
Или съ камнемъ въ водѣ утопили . . .

И лишь тутъ на челѣ безотрадной.
Безпоощадною силой гонимый,
Вспомнилъ молодецъ путь благодатный,
Путь молитвой и вѣрой хранимый.
И свернулъ онъ съ дороги опасной,
Чтобы съ Горемъ-Злостью разстаться.
И смущенный, въ сердечной тревогѣ,
Онъ пошелъ въ монастырь постригаться.
Въ этотъ міръ, гдѣ отрадою вѣтъ,
Гдѣ живетъ благодать и спасенье.
Куда горе войти не посмѣтъ,
Гдѣ безсильны врага ухищренія.
Входитъ онъ во святую обитель:
Его сердце исполнилось счастья...
И за дверью, какъ злой искушитель,
Оставалось Горе-Злостью.

А конецъ этой жизни мы знаемъ...
Избавь, Господи, муки насъ вѣчной!
Къ Тебѣ въ сердце съ мольбою взываемъ:
Дай намъ свѣтлый Твой рай безконечный!

Аминь.

Литература

1. История русской литературы X–XVII веков. – М., 1980.
2. Лихачев Д.С. Великое наследие. – М., 1980.
3. Симони П. Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII столетий. Вып. III, 1. Повесть о Горе и Злочастии, как горе-злочастие довело молодца во иноческий чин. – СПб., 1907.
4. Костомаров Н.И. Горе-Злочастие, древнее русское стихотворение // Современник. – 1856. № 3. – Отд. 1.
5. Виноградова В.Л. Повесть о Горе-Злочастии (библиография) // Труды отдела древнерусской литературы. – М.-Л., 1956. – № XII.
6. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
7. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
8. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е. М., 1979.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
10. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972.
11. Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1965. – Вып. II.
12. Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860.
13. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). – М., 1969.
14. Веселовский А.Н. Калики переходные и богомилские странники // Разыскания в области русского духовного стиха. СОРЯС. Т. 46. № 6. СПб., 1889; Т. 53. № 6. СПб., 1891.
15. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1965.
16. Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. – Л., 1976.
17. Бицилли П.М. Салимбене. – Одесса, 1916.
18. Кусков В.В. История древнерусской литературы. М., 1977.
19. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы XI–XXII веков. – Л., 1973.
20. Аверинис С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1977.
21. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – СПб., 1861. – Т. 1.

22. Mazon, Andre. Горе-Злосчастье. Malheur-Mauvais Destin // Revue des Studes Slaves. – Paris, 1951. – Т. 28.
23. Фан-Кленк. Посольство Кунраада Фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Михайловичу. СПб., 1900.
24. Адам Олеарий. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. Пер. Барсов. М., 1870.
25. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Полное собрание русских былин. СПб., 2000.
26. Русское государство в половине XVII в. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов. Ч. 1. М., 1859.
27. Киреевский П.В. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Вып. II. Ч. 2. [б. г.].
28. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Л., 1926.
29. Топоров В.Н. Московские люди XVII века (к злобе дня) // Philologia slavica. К 70-летию академика Н.И. Толстого. – М., 1993.
30. Клейн Й. Донец и Стикс (пограничная река между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976.
31. Путилов Б.Н. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе и Злосчасти» // Труды отдела древнерусской литературы. № 12. 1956.
32. Соболевский А.И. Великорусские народные песни. Т. 1. СПб., 1895. № 441.
33. Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени. Новосибирск, 1994.
34. Ржига В.Ф. Повесть о Горе-Злосчасти и песни о Горе // Slavica, 1931. Т. X Вып. II.
35. Переверзев В.Ф. Литература Древней Руси. М., 1971.
36. Harkins W.E. The pathetic Hero in Russian Seventinth-century Literature // American East and Slavic European review. Philadelphia, 1955. Dec.
37. Водовозов Н.В. История древней русской литературы. М., 1972.
38. Демин А.С. О художественности древнерусской литературы. М., 1998.
39. Дорошкевич А.К. Критические заметки о преподавании древней русской литературы. – М., 1915.
40. Майданов Д.Г. Повторительный курс истории русской словесности. – Одесса, 1917. – Ч. 1. Вып. II.
41. Горе-Злосчастье. Древнее русское стихотворение. Переложил на современный язык Н. Марков. – Елисаветград, 1896.
42. Русская мысль. 1897. № 9.
43. Дунаев Б.И. Библиотека старорусских повестей. Т. 3. Повесть о Горе и Злосчасти. М., 1914.
44. Толстой А.К. Полное собрание стихотворений в 2-х т. Л., 1984. Т. 1: Стихотворения и поэмы.

Содержание

Вступительные замечания.....	3
История открытия и изучения списка «Повести о Горе и Злочастии».....	4
О художественном мире литературного произведения	7
О картине мира Древней Руси	10
Структура художественного мира «Повести о Горе и Злочастии»	14
1. Свой дом	14
2. Кабак	17
3. Монастырь	20
Специфика художественного мира «Повести о Горе и Злочастии»	23
Молодец – персонаж нового типа.....	26
Заключение	28
Приложение. «Повесть о Горе и Злочастии» в русской поэзии	31
<i>С.Д. Дрожжин.</i> Горе лютое	33
<i>А.К. Толстой.</i> Стихотворения по мотивам «Повести о Горе-Злочастии».....	34
<i>Ю.Л. Воротников.</i> Повесть о Горе и Злочастии. Как Горе-Злочастие довело Молодца во иноческий чин	39
<i>Н. Марков.</i> Горе-Злочастие. Древнее русское стихотворение....	42
Литература	59

Отделение историко-филологических наук

Ю.Л. Воротников

**Художественный мир
«Повести о Горе и Злосчасти»**

Формат 60 x 84/16
Гарнитура Таймс
Усл. печ. л. 3,6. Усл. изд. л. 1,4
Тираж 20 экз.

Издатель – Российская академия наук

Подготовлено к печати
Управлением научно-издательской деятельности РАН

Отпечатано на оборудовании Управления делами РАН

Издано в авторской редакции

Издается в соответствии с распоряжением
президиума Российской академии наук
от 24 октября 2017 г. №10106-765,
распространяется бесплатно.